

А.В. Куприянов ставит задачу продемонстрировать целесообразность использования формальных методов (с привлечением dataset-ов и компьютерного анализа) в работе гуманитариев-историков. Его статью можно разделить на три смысловые части: в одной исследователь демонстрирует конкретную компьютерную методику при анализе состава профессуры нескольких университетов дореволюционной России; в другой приводятся результаты проведённой работы на примере двух «кейсов» — связанных с перечнями профессоров в российских университетах и авторов философских журналов в дореволюционной и Советской России, за рубежом и на родине; наконец, в третьей (которая так или иначе проходит красной линией через всю статью) А.В. Куприянов отстаивает необходимость и полезность использования компьютерных технологий, даже если исследователям приходится работать с «бедными» и «средними» данными.

К сожалению, А.В. Куприянов не достигает своей цели в той мере, в которой ему бы этого хотелось. Сколько бы благородной ни была его задача «примирить» гуманитариев и «аналитиков данных», обучить первых решению «относительно несложных задач», примеры, которые он приводит, оказываются не работоспособными, т.е. они не оправдывают полученных выводов, а лёгкость и быстрота, благодаря которым мы «видим невидимое, считаем почти не осязаемое», не производят должного ощущения «упавшей горы с плеч». В итоге, главным серьёзным аргументом в пользу использования компьютерных технологий остаётся *визуализация* полученных данных, красивая иллюстрация динамики, граф, ценностный сам по себе. Однако, насколько оправданы эти затраты на материале «средних данных», допустим несопоставимые с затратами человеческими, если всё то новое, что мы получили — это красивый график, а выводы, полученные в процессе исследования — посредственны?

В статье рассматривается метод анализа списков (в данном случае — преподавательского состава университета) с помощью dataset-a — таблицы, в которой компьютер вносит данные о каждом преподавателе, а затем организует соответствующие подмножества в рамках поставленной задачи и переменных: работающие с X по Y года, перешедшие на должность из такой-то должности, в университете A или из университета B, и т.п. На одной из таблиц демонстрируется, что, с принятием указа 1863 г., наблюдается «взрывной рост» в преподавательском составе Санкт-Петербургского университета за счёт появления приват-доцентов. А.В. Куприянов далее в статье будет настаивать, что «почти все показатели, кроме общей численности преподавателей, при всей их простоте трудно, если вообще возможно, оценивать на глаз» (с. 134). Насколько это очевидно? Был ли прецедент неудачи историка в решении таких вопросов по сравнению с компьютером и аналитиком данных? Проводилось ли сравнение? Насколько трудно было бы «обычному» историку обнаружить закономерность между принятием указа и увеличением количества приват-доцентов в Санкт-Петербургском университете? Насколько трудно было бы обнаружить, что один и

тот же человек занимал разные должности в одном университете, и что таких людей в данном университете несравненно больше, чем в другом? Возникает впечатление, что историк обязан *досконально* провести все те же самые процедуры, шаг за шагом, что и компьютер. Однако то, что компьютер вынужден делать в виду особенностей своего устройства, для историка-человека не фатум; интуитивное схватывание общей тенденции далее ведёт к её более детальной проработке и выдвижению теории. Историк способен идти от общего к частному, не просчитывая все показатели для каждого взятого отдельно приват-доцента или ординарного профессора. Минуя визуализацию, историк обращается к собственно историческим вопросам: почему в Казанском университете сложилась более закрытая структура преподавательского состава, а в Дерпте — нет? Тогда как подобные «зигзагообразные» графики остаются не более чем дополнительной иллюстрацией, ценность которой не должна превосходить ценность результатов исследования.

Это особенно проявляется на примере обнаруженной трансформации структуры русскоязычной философской периодики. «Интересны не столько полученные результаты, сколько то, что эти результаты добыты на чрезвычайно «бедных» данных» — пишет А.В. Куприянов (с. 135). Результаты меж тем не просто ожидаемы, но банальны: русское зарубежье связано с дореволюционной традицией периодики, в то же время такая связь обнаруживается между дореволюционной и советской периодиками. Неужели, чтобы узнать это, нам требовалось что-то считать? Или нам требовалось что-то считать, чтобы визуализировать уже известное и очевидное? Интерес результатов, как кажется, первостепенен в каждом проводимом исследовании, коль скоро оно проводится.

Справедлив Б. И. Ярхо: «Ни один математический акт не должен совершаться, пока в него не будет вложен конкретный литературоведческий смысл». Эти слова в полной мере относятся не только к филологической, но и к исторической науке, даже если речь идёт об анализе перечней имён. К сожалению, в статье А.В. Куприянова этот принцип реализован не в той мере, в которой хотелось бы. А ограничение себя «средними» и «бедными» данными, по крайней мере, для историка кажется чрезвычайно искусственным.